

Е. М. Юхименко (Москва)

ВЫГОВСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОСТЬВО: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ*

Проблема комплексного, междисциплинарного подхода активно обсуждается в современной науке. В связи с этим уместно напомнить, что первыми, кто успешно продемонстрировал плодотворность такого подхода, были выговские старообрядцы. Когда в начале XVIII в. появились якобы древние рукописи очевидной антистарообрядческой направленности — Соборное деяние на еретика Мартина 1157 г. и Требник московского митрополита Феоноста первой половины XIV в., выговцам, чтобы разоблачить подделку, пришлось применить совокупность методов внутренней и внешней критики источника. Благодаря своим глубоким знаниям в области истории, филологии, кодикологии, палеографии, старообрядцы доказали, что данные памятники не могли появиться ранее XVIII в. Вся система доказательств была изложена сначала в «Дьяконовых» (1719), затем в «Поморских ответах» (1723)¹.

Выговское поморское общежитие создавалось как своеобразное государство в государстве. По мысли основателей, оно должно было обеспечить все потребности поборников древнего благочестия — в церковной жизни, школах, книгах, иконах, пении. На Выгу была выработана целая программа культурного строительства, благодаря которой поморский центр и достиг таких высот в грамотности, книжной культуре, литературе, иконописании, медном литье². Ни один другой старообрядческий центр, включая московские, не может сравниться с уровнем этих достижений.

Как всякое сложное явление, Выговская пустынь требует комплексного подхода. Невозможно изучать отдельно ее историю, литературу, книжность, другие культурные начинания. Только проанализировав все источники в совокупности, можно понять ведущие идеи и средства их воплощения в различных областях культурной жизни Выга.

Следует отметить, что сохранность источников вполне позволяет это сделать. В настоящее время мы располагаем источниками документальными (известны следственные дела, ревизские сказки, официальное делопроизводство, фрагменты выговского архива), источниками литературными, эпистолярными, изобразительными.

Остановимся лишь на некоторых наиболее показательных примерах комплексного подхода в изучении творческого наследия Выга.

На основании материалов следствия 1739 г. и сведений, разбросанных в целом ряде других документальных источников, нами было установлено, во имя каких праздников были освящены часовни Выговского и Лексинского общежитийств и всех скитов суземка. Эти сведения оказались решающими при изучении выговских слов на церковные праздники и Поморского Торжественника. Выяснилось, что определяющее влияние на литературное творчество Андрея Денисова, основоположника литературной школы Выга, оказывали его задачи киновиарха: созданные им слова охватывали только половину двенадцатых праздников, но все храмовые праздники Выго-Лексинского общежития и скитов. Заметим, что уже к началу XVIII в. восходит традиция посещения выговскими настоятелями скитов в дни их храмовых праздников, причем в ряде случаев

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-04-49003 а/с).

¹ Подробнее см.: Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII в. // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66; Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 22–44.*

² Подробнее см.: Юхименко Е. М. *Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1 (в печати).*

личное присутствие могло заменяться литературным посланием — похвальным словом. Трифон Петров дописал слова еще на три храмовых праздника: один — придела Богоявленской часовни и два — для скитов.

Из слов Андрея Денисова и Трифона Петрова во второй половине 30-х годов XVIII в. была составлена I редакция Поморского Торжественника. Анализ состава этого сборника также приводит к выводу, что поначалу Поморский Торжественник еще не охватывал всего круга церковных праздников, даже двенадцатых, но в то же время здесь были достаточно полно представлены храмовые праздники. Более того, те три праздника, на которые в данной редакции приходилось по два слова, являлись престольными праздниками Лексинской обители, Сергиева и Волозерского скитов.

Дальнейшее развитие Поморского Торжественника (в 40-х годах XVIII в. было создано еще две редакции сборника) шло по линии дополнения его словами на недостающие праздники. Таким образом, становится очевидным, что в основе развития на Выгу жанра эпидейктического красноречия и создания Поморского Торжественника лежали задачи церковного строительства. Вынужденное отсутствие священства вело к сокращению церковной службы, и, следовательно, она становилась менее торжественной. Произнесение похвальных слов было призвано в какой-то мере вернуть службе в поморских часовнях полноту и торжественность, что особенно было важно во время праздников храмовых.

Знание храмовых праздников Выга и характера их отражения в литературе позволило нам перейти к объяснению ряда излюбленных иконографических сюжетов выговского медного литья. Те складни и образки, которые ранее трактовались только как отражение общехристианских идей, оказались напрямую связанными с жизнью поморской пустыни.

Одним из самых распространенных малых трехстворчатых складней с двенадцатыми праздниками считается триптих, составленный из клейм «Успение — Воскресение — Богоявление». Сочетание этих праздничных сюжетов может показаться случайным, но на самом деле это не так. Изображения, помещенные на боковых створках, имеют прямое отношение к Выгу: Богоявление и Успение Богородицы были престольными праздниками соборной часовни мужского Богоявленского общежительства. Такой складень, тем более со средником, отражающим основополагающую идею христианства, являлся памятным изделием, рассчитанным как на самих выговцев, так и на многочисленных паломников, посещавших Выговскую обитель.

Выговское содержание имел и складень с трехфигурным Деисусом. При том, что это была основная моленная икона любого православного человека, его особая популярность на Выгу объясняется тем, что Рождество Иоанна Предтечи было престольным праздником Лексинской Крестовоздвиженской часовни и в этот день, 24 июня, как и на Воздвижение, сюда сходилось, по свидетельству письменных источников, «многое множество» народа, не только пустынножителей, но и крестьян окрестных волостей (ИВП. С. 205, 246–247). Анализ выговских слов, посвященных Иоанну Предтече, показывает, что этот святой восхвалялся прежде всего как образец пустынножительства, что было особенно близко насельникам Выговской обители.

Весьма популярен был также трехстворчатый складень «Деисус с предстоящими». Здесь изображались Иоанн Богослов — Никола чудотворец — митрополит Филипп — Зосима и Савватий Соловецкие. Персонификация этого чина, как было отмечено исследователями ранее, отражает идею преемственности Выговского общежительства по отношению к самому раннему христианству и непосредственно к Соловкам. Однако возможно и другое объяснение. Изображенные в качестве предстоящих святые имели свои приделы в главных часовнях Выго-Лексинского общежительства, при этом иных приделов, посвященных каким-либо другим святым, эти часовни не имели. Таким образом, знаменитая выговская «девятка», помимо общей идеи

милосердия, заступничества и моления, содержала прямое напоминание о главных храмах поморского старообрядчества и, следовательно, могла служить памятной иконой.

Большие возможности таит в себе параллельное изучение документальных источников и литературного наследия Выга.

Для исследователей древнерусской литературы всегда важно установить, какие конкретные события нашли отражение в произведении, какие реально существовавшие лица стали героями литературных текстов. В отношении старообрядческой литературы это тем более существенно, что сочинения поборников древнего благочестия на протяжении XVIII–XIX в. воспринимались, главным образом, сквозь призму религиозной полемики; утверждалось, что описываемые старообрядческими авторами лица и события являются по большей части вымышленными, не соответствующими исторической действительности. Выявленный в последние десятилетия обширный документальный материал позволяет дать более объективную оценку литературному наследию старообрядчества.

На основании архивного документального материала, более полно, чем опубликованные ранее источники, оразившего события Соловецкого восстания 1668–1676 г., удалось установить высокую степень исторической достоверности «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Следственные дела о каргопольских старообрядцах 1680-х г. подтвердили реальность существования героев тех глав «Винограда Российского», в которых описывается старообрядческое движение на окраинах России.

Работа с материалами первых трех ревизий позволила не только уточнить биографии многих выговских писателей и книжников, но и установить реальность героев целого ряда выговских чудес. Например, в Житие Андрея Денисова вошли два чуда, происшедшие в Боровском скиту с Евсеем Ермиловым и Даниилом Ивановым. Ревизские сказки подтвердили, что эти люди действительно проживали в Боровском скиту, но, кроме того, стали ясны их родственные связи. Они оказались близкими родственниками Василия Данилова Шапошникова, из собственного письма которого известно, что он принимал участие в составлении Жития Андрея Денисова. Таким образом, очевидно, что эти два чуда написаны им, поскольку касаются его дяди и отца.

Детальное знание выговской истории и выговского документального материала помогло нам установить полные имена ряда героев «Сказания о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» и подборки из 12 чудес, составленной в середине XVIII в.³

Хорошо известно, что почерковедческий анализ является решающим моментом для установления авторской принадлежности произведений новой литературы. С древнерусской литературой дело обстоит, как мы знаем, гораздо сложнее. Это прекрасно видно на примере выговской школы. Выговские рукописи дают множество примеров, когда писатель (почерк которого устанавливается без всяких сомнений) переписывает сочинение своего собрата по литературному цеху, но не свое собственное. Поэтому без установления характера данного списка (черновик, беловик, список, список с авторской правкой), без анализа содержания и привлечения косвенных свидетельств, каковыми являются библиографические разыскания выговских книжников XVIII — первой четверти XIX в., атрибуция сочинений выговской школы не может считаться доказанной.

Итогом проделанной нами подобной работы стал каталог автографов выговских писателей, включающий 75 таблиц почерков (с вариантами почерка одного лица), указатель новонайденных сочинений, содержащий 560 номеров.⁴

Приведу только один весьма показательный пример. В указатель В. Г. Дружинина 1912 г. вошли три небольших произведения, названные так самим исследователем: «О преставлении Петра

³ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Реальные герои выговских чудес // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 112–117.

⁴ См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. 2 (в печати).

Прокопьева», «О преставлении Андрея Денисова», «О преставлении Даниила Викулина» и помещенные в указатели под названными именами⁵. Сочинения эти давно известны в литературе и широко используются, особое внимание обращается на то, что в этих текстах присутствуют словесные портреты выговских настоятелей, сделанные по образцу иконописного подлинника. Нам удалось установить черновой список этого сочинения⁶, в котором, судя по палеографии, все три фрагмента текста написаны одновременно (т. е. это одно сочинение) и в конце стоит дата: 1733 год, год смерти Даниила Викулина. Автор этого произведения устанавливается по почерку черновика. Им был не кто иной, как Даниил Матвеев, не только писатель и книжник, но также иконописец. Этот факт исчерпывающим образом объясняет и пристальное внимание автора ко внешнему облику выговских отцов, и тот образец, который был им выбран для этого описания.

Данный пример исчерпывающим образом демонстрирует преимущества комплексного подхода в изучении старообрядческой истории, литературы и книжности. Перспективы дальнейшего изучения этой части древнерусского наследия, несомненно, связаны именно с таким подходом.

⁵ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 76, № 10; С. 129, № 192; С. 239, № 12.

⁶ РНБ. Q. XVII. 200. Л. 136—138 об.